

Б. Тихомиров

КТО ЖЕ БЫЛ АВТОРОМ РАЗБОРА ДРАМЫ А. Н. ОСТРОВСКОГО «ГРОЗА»?

(О статье Б. В. Федоренко «Ф. М. Достоевский — автор разбора драмы А. Н. Островского „Гроза“»)

Я берусь за перо потому, что мне импонирует гипотеза Б. В. Федоренко о Ф. М. Достоевском как авторе разбора «Грозы», опубликованного в № 3 петербургского журнала «Светоч» за 1860 г. В постановке проблемы, в обосновании самой возможности ее постановки, а также в первоначальном сборе доказательств — главное достоинство публикуемой статьи. Но я берусь за перо и потому, что, мне кажется, большинство аргументов Б. В. Федоренко, сама стратегия обоснования им в этой статье своей гипотезы не только уязвимы, бьют мимо цели, но и способны заслонить серьезность поднимаемой проблемы.

Главный просчет Б. В. Федоренко состоит в том, что 3/4 своей статьи он посвящает доказательству другой, вспомогательной по отношению к заглавной, гипотезы — о присутствии Ф. М. Достоевского на московской премьере «Грозы» 16 ноября 1859 г. С этой целью, создавая все новые и новые гипотезы (уже третьего, четвертого порядка) — «дезавуируя» даты в автографах писем как не принадлежащие руке Достоевского, вводя предположение о написанном, но не отправленном письме к брату и т. п., — Б. В. Федоренко сдвигает на неделю вперед сроки поездки писателя из Твери в Москву, датируя ее не 4–8 ноября 1859 г., как было принято в биографической литературе и что подтверждается документально, а 11–17 ноября. Но энергия исследователя здесь растрачивается понапрасну (во всяком случае в рамках статьи, посвященной проблеме авторства разбора «Грозы»), — хотя бы уже потому, что в содержащей этот разбор статье в «Светоче» ее автор (М. М. или Ф. М. Достоевский) упоминает о постановке пьесы Островского на сцене отнюдь не Московского Малого, а *Петербургского Александринского театра*: «Не нравится нам только предсмертный монолог Катерины, — читаем в статье. — С ним едва ли совладала бы и не такая актриса, как г-жа Снеткова» (156)¹. Однако Федосья Александровна Снеткова была первой исполнительницей роли Катерины именно в Петербурге; в московской же премьере, в Малом театре, Катерину, как известно, играла Л. П. Никулина-Косицкая.

Но главную гипотезу Б. В. Федоренко, гипотезу об авторстве разбора «Грозы» в «Светоче», это наблюдение не только не подрывает, но, как кажется, напротив — очищает от привнесенного в систему доказательств искусственного элемента. Дело в том, что самым сильным моментом в статье Б. В. Федоренко является обнаруженное им свидетельство, содержащееся в письме А. Н. Плещеева от 13 декабря 1859 г., о намерении Ф. М. Достоевского *написать* статью о пьесе Островского, и, как можно заключить, намерении, высказанном вполне определенно. «Жду нетерпеливо разбора твоего „Грозы“», — пишет Плещеев другу из Москвы в Тверь, отвечая на несохранившееся письмо Достоевского от 10 декабря². Б. В. Федоренко абсолютно прав: эти слова Плещеева нельзя иначе интерпретировать как ответную реакцию корреспондента на сообщение в письме Достоевского о его планах сделать «разбор „Грозы“». Но тут-то и возникает головоломная загадка, которую пронизательно увидел и за разрешение которой взялся Б. В. Федоренко: откуда мог быть знаком с пьесой Островского томящийся в Твери писатель, если опубликована она будет только через месяц — в январском номере «Библиотеки для чтения» (премьера на сцене предшествовала журнальной публикации)? По существу, попытке разрешить эту загадку и посвящены 3/4 статьи Б. В. Федоренко. Однако «ларчик» остался неоткрытым, ключа к его «секрету» автор публикуемой статьи не нашел.

А ключ лежал там же — в тексте того же ответного письма Плещеева от 13 декабря 1859 г.! «Радуюсь, что тебя встретили в Петербурге радушно», — пишет корреспондент Достоевского, откликаясь на еще одно сообщение, содержавшееся все в том же не дошедшем до нас письме от 10 декабря³. А в завершении его он спрашивает: «Ради Бога сообщи ты мне — правда ли, что Спешнев в Петербурге? Видел ли ты его — и что он — переменился ли?»⁴ Сомнений не остается: в письме от 10 декабря 1859 г. Достоевский сообщал Плещееву о *своей поездке в начале месяца в Петербург* и, видимо, в связи с описанием этой поездки — о своих впечатлениях от премьеры «Грозы» на сцене Александринского театра 2 декабря 1859 г. (Замечу в скобках, что в «загадочной фразе» из статьи в «Светоче», — о которой пишет Б. В. Федоренко и на которой также основывает свое доказательство: «Мы сами видели, как в первое представление зрители вокруг нас переглядывались между собою...»⁵ — речь, конечно же, опять идет о «первом представлении» «Грозы» на петербургской сцене, что, к сожалению, лишает эту фразу ее эвристического потенциала, так как петербургскую премьеру, оказывается, могли равно вспоминать и Михаил и Федор Достоевские.)

В свете приведенных наблюдений и соображений иначе, чем у Б. В. Федоренко, прочитывается и фраза, следующая в письме Плещеева за ключевыми для нашего вопроса словами: «Жду нетерпеливо разбора

твоего „Грозы”», и далее: «Здесь она сыграна безукоризненно. Это верх художественности в исполнении, по-моему»⁶. Корреспондент Достоевского тут вполне определенно, ссылаясь на свои личные впечатления, информирует Достоевского о московском спектакле, *которого тот не видел*.

Мои заметки — не статья, а лишь реплика по поводу статьи Б. В. Федоренко. Поэтому не буду специально углубляться в обоснование своей гипотезы о кратковременном приезде Достоевского в Петербург в конце ноября — первых числах декабря 1859 г. (приезде, о котором до сих пор не подозревали биографы писателя)⁷. Отмечу только, что именно о разрешении на такую поездку он как раз и просит начальника III отделения Е.И.В. канцелярии В. А. Долгорукова в письме к нему от 19 ноября 1859 г. (которое неоднократно упоминает Б. В. Федоренко): «Я покорнейше прошу **дозволить мне, в ожидании окончательного решения по первой просьбе моей [то есть о возвращении в Петербург на постоянное жительство.— Б. Т.], прибыть на некоторое время в Петербург, хотя бы на самый короткий срок**» (28, I; 390). Очевидно, это дозволение Достоевскому (который, напомним, пользовался поддержкой таких влиятельных людей, как Э. И. Тотлебен и тверской губернатор граф П. Т. Баранов) было дано, и он им незамедлительно воспользовался.

Однако одно дело — доказать, что Достоевский *был на премьере* пьесы Островского в Александринском театре и даже — что у него в начале декабря 1859 г. было *намерение* написать разбор «Грозы», и совсем другое дело — доказать и доказать обоснованно, что именно он был автором статьи в журнале «Светоч», опубликованной с подписью *М. Достоевский*. Эта — главная сторона проблемы — разработана в статье Б. В. Федоренко гораздо менее обстоятельно. Она как бы остается в тени вопроса о сроках поездки писателя в Москву и всего, что связано с обоснованием позиций автора статьи по этому вопросу.

И все же, повторю это, гипотеза Б. В. Федоренко о Ф. М. Достоевском как авторе разбора «Грозы» мне импонирует — прежде всего, пожалуй, самой решительностью исследователя в постановке проблемы. Но не только.

Не реализованные или не вполне реализованные возможности аргументации мне видятся в самом материале наблюдений, которые развернуты в исследовании, но недостаточно иногда проакцентированы и прокомментированы. Говоря, например, в финале статьи *об общем отношении* Достоевского к Островскому в рассматриваемую эпоху, Б. В. Федоренко приводит такой выразительный пассаж из Введения к «Ряду статей о русской литературе», написанного Ф. М. Достоевским осенью 1860 г. и опубликованного в № 1 журнала «Время» за 1861 г.: «Мы знаем его [Островского.— Б. Т.] место. Мы уже говорили не раз, что веруем в его новое слово и знаем, что он, как художник, угадал то, что нам снилось

еще даже в эпоху демонических начал и самоуличений» (18; 60). И все. Без какого бы то ни было малейшего комментария поставлена точка и завершена статья. Но ведь тут дело не в отношении только самом по себе Достоевского к Островскому; главное в словах: «Мы уже говорили не раз, что веруем в его новое слово...» Где «говорили», когда? — если эти строки суть *первое* упоминание Достоевским имени Островского в печати? Напрашивается вывод: в опубликованном в «Светоче» разборе «Грозы», где, в частности, читаем: «Островский действительно *сказал новое слово*» (142); «Это качество [всепримиряемость.— Б. Т.], присущее русскому народу <...> составляет принадлежность славянского племени, весь залог его будущего развития; и это свойство русского человека <...> впервые выражено у нас в искусстве г. Островским, в чем и состоит вся сила его таланта, вся заслуга его перед русскою литературой. Это-то и есть *новое слово, сказанное г. Островским*» (145). Оцените: из письма Плещеева от 13 декабря 1859 г. мы узнаем о намерении Достоевского написать разбор «Грозы»; а осенью 1860 г. (ц. р. № 1 «Времени» — 1 декабря 1860 г.) он же публично заявляет: «Мы уже говорили не раз...». Возникает выразительное композиционное «кольцо», и в центре его — статья в журнале «Светоч».

Я отдаю себе отчет, что подобные разрозненные наблюдения сами по себе еще явно недостаточны; в сложнейшем вопросе атрибуции, где, в придачу, мы имеем дело не с анонимным, а подписанным другим именем (пусть и той же фамилией) произведением, нужны принципиально иные методики. Еще тридцать семь лет назад В. В. Виноградов писал в работе «Проблема авторства и теория стилей» (в главе «Специфические задачи и трудности объективно-исторического изучения проблемы авторства в литературе»): «Субъективные методы определения авторства и реконструкции адекватного авторского текста отжили или, во всяком случае, отживают свой век»⁸. В нашем случае это тем более справедливо, что и до Б. В. Федоренко авторитетные исследователи, например Г. М. Фридендер, не исключали *участия* Ф. М. Достоевского в работе над статьей о «Грозе», опубликованной в журнале «Светоч». Но только *участия* — в известных и очень ограниченных пределах — в разборе, написанном *в целом все-таки* М. М. Достоевским⁹.

И тем не менее наблюдения и соображения Б. В. Федоренко заставляют вновь вернуться к этому вопросу. В развитие и поддержку обсуждаемой гипотезы считаю исключительно важным указать еще на три текста, подписанные тем же именем — *М. Достоевский*, которые, однако, признаны — и признаны давно — бесспорно принадлежащими перу Федора Достоевского. Первый из них — это «Объявление о подписке на журнал „Время“ на 1861 год», впервые опубликованное в сентябре 1860 г. в ряде петербургских газет и подписанное «*Редактор М. Достоевский*» (18: 229).

На принадлежность этого имеющего принципиальный характер документа Ф. М. Достоевскому в свое время авторитетно указал Н. Н. Страхов, и он тогда же был включен в I том посмертного Полного собрания сочинений Достоевского 1883 г.¹⁰ С тех пор «Объявление...» неоднократно перепечатывалось как произведение Ф. М. Достоевского и как таковое включено в основной корпус текстов писателя в академическом Полном собрании сочинений (см. 18; 35–40, примеч. 229–236).

Аналогичным образом обстоит дело и с двумя другими текстами — «Объявлениями о подписке на журнал „Время“» на 1862 и 1863 гг., также подписанными «Редактор М. Достоевский» и «Редактор-издатель М. Достоевский», но с тем, однако, существенным для нашего вопроса отличием, что в основу их атрибуции Ф. М. Достоевскому положены не только свидетельство Н. Н. Страхова, но и черновые автографы самого писателя (также публикуемые в ПСС: 19; 215–216 и 20; 169–170), — однозначно и документально свидетельствующие, что подпись: «М. Достоевский» не только могла, но и реально, причем неоднократно *выставлялась* под текстами, написанными Ф. М. Достоевским.

Объясняя (в рамках своей гипотезы), применительно к статье в «Светоche» такой «текстологический казус», Б. В. Федоренко в другой, неопубликованной статье, где он касается того же круга вопросов, справедливо пишет о «возникшей необходимости некоего имиджа для М. М. Достоевского»: «Быть редактором Ф. М. Достоевскому было запрещено по причинам политическим. И задачей было, трудной, но выполнимой, заставить всех, круги литературные и возможных читателей-подписчиков, поверить редактору Достоевскому-старшему, Михаилу Михайловичу, **когда-то публиковавшемуся** и — автору произведений новых...»¹¹. Причем задача эта была, по мысли Б. В. Федоренко, особенно актуальной на этапе подготовительном, когда у братьев Достоевских уже возникла идея будущего журнала, редактором которого, однако, — по названной причине — потенциальным подписчикам мог быть представлен только *М. Достоевский*, уже давно оставивший изящную словесность и более известный в начале 1860-х гг. не столько как писатель, литератор, сколько как табачный фабрикант.

Таким образом, появление имени *М. Достоевского* под блестящей, принципиального звучания литературно-критической статьей становилось в такой ситуации важным моментом *стратегического замысла* братьев Достоевских.

Здесь мне только трудно согласиться с Б. В. Федоренко, что в этот замысел в какой-то мере была посвящена редакция «Светоche», чем исследователь объясняет загадочное «исчезновение» *инициалов* автора разбора «Грозы» в Объявлении о подписке на журнал «Светоche» на 1861 год, где, в частности, сообщалось: «В двенадцати книжках прошлого года <...> по

отделу критики и публицистики читатели, вероятно, обратили внимание на статьи А. П. Милюкова, Н. М. Соколовского, Достоевского и др.». При чем Б. В. Федоренко подчеркивает, что «исчезновение» инициалов при фамилии «Достоевский» (тех самых инициалов, которые и стали «камнем преткновения» в вопросе атрибуции авторства разбора «Грозы»!) сопровождается «старательным и точным» воспроизведением инициалов всех без исключения других сотрудников журнала: А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, А. Н. Плещеева, Л. А. Мея и др.¹² Наблюдение само по себе весьма выразительное и для рассматриваемого вопроса многозначительное. Но все-таки согласиться, что Д. И. Калиновский (издатель) и А. П. Милюков (фактический редактор) были посвящены в замысел братьев Достоевских («знали, конечно, доподлинно», пишет Б. В. Федоренко), можно только при условии допущения их полной практической недалновидности. Ведь именно взлет в 1861 г. журнала «Время» не в последнюю очередь определил скорое «затухание» «Светоча», из которого в журнал Достоевских ушло большинство его бывших сотрудников. Но, впрочем, это уже в высшей степени частный и второстепенный вопрос.

Возвращаясь же к вопросам принципиальным, вновь сошлюсь на мнение В. В. Виноградова, который в названной работе писал: «Осуществленные с применением субъективно-эстетических или субъективно-психологических, а также субъективно-идеологических приемов удачные, то есть оказавшиеся правильными атрибуции — результат интуиции или личной одаренности изыскателей, а не итог правильно найденного пути поисков и открытий в области изучения проблемы авторства»¹³. И хотя правильность атрибуции Б. В. Федоренко пока еще не доказана, это положение В. В. Виноградова имеет ближайшее отношение к комплексу проблем, возникших в связи с обсуждаемой статьей. Интуицию исследователя нельзя абсолютизировать, но нельзя и противопоставлять неким «правильно найденным путям поисков». Ибо только исследовательская интуиция и способна *обнаружить и поставить саму проблему*, для решения которой, действительно, могут потребоваться уже принципиально иные пути и методы анализа.

Б. В. Федоренко нельзя отказать в исследовательской интуиции. Беспристрастный читатель должен согласиться (а я, со своей стороны, пытался этому всемерно способствовать), что в пронизательно выявленной и описанной исследователем ситуации Ф. М. Достоевский, *несмотря на подпись под статьей*, вполне мог бы быть ее автором. Что к тому были определенные предпосылки (присутствие на премьере, выраженное в письме к Плещееву намерение и т. п.); что это могло быть продиктовано некими стратегическими соображениями, связанными с предстоящим изданием журнала, где подлинный редактор Ф. Достоевский также вынужденно в течение нескольких лет выступал под «псевдонимом»

М. Достоевский¹⁴; наконец, что существует целый ряд косвенных подтверждений и т. п. Но *был ли Ф. М. Достоевский в действительности автором разбора драмы А. Н. Островского «Гроза», опубликованного в «Светоче»,* — дать утвердительный ответ на этот вопрос методика Б. В. Федоренко в принципе бессильна.

И здесь от разрозненных и частью случайных наблюдений и соображений, из сферы исследовательской интуиции, которая *выполнила свою функцию* — обнаружила, выявила проблему, где никто ее прежде не видел, действительно, необходимо обратиться к более строгим и достоверным методам анализа. В свете гипотезы Б. В. Федоренко было бы очень желательно подвергнуть опубликованную в «Светоче» статью о драме «Гроза» специальному лингво-стилистическому анализу с использованием компьютерных методик, которые были разработаны известным норвежским исследователем Г. Хьетсо и уже успешно применялись для решения вопроса об авторстве анонимных статей из журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха»¹⁵. Это было бы тем более желательно, что хронологически статья в «Светоче» примыкает к первым из подвергнутых Г. Хьетсо анализу статьям из «Времени» и могла бы быть обработана на том же фоновом материале (в качестве которого был привлечен текст 26 бесспорно принадлежащих Ф. М. Достоевскому статей, указанных норвежскому исследователю редакцией академического Полного собрания сочинений).

Бесспорно, возможности такого анализа тоже не надо переоценивать, но лишь с помощью его (при отсутствии прямых документальных свидетельств) вопрос об авторстве разбора «Грозы» можно поставить сегодня на твердую почву объективного исследования.

Кстати, очень желательно было бы подвергнуть такому анализу и другую замечательную статью, не включенную редакцией академического собрания даже в раздел «Dubia», споры о принадлежности которой Достоевскому не утихают до сих пор. Я имею в виду опубликованную в № 4 газеты-журнала «Гражданин» за 1873 г. развернутую рецензию на «Соборян» Н. С. Лескова, новую попытку атрибутировать которую перу Достоевского предпринял недавно В. А. Викторovich¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. примеч. 1 к статье Б. В. Федоренко.

² См. там же, примеч. 15.

³ См. там же.

⁴ См. там же. С. 450.

⁵ См. наст. изд. С. 140.

⁶ См. примеч. 15 к статье Б. В. Федоренко.

⁷ Ср.: *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского*. СПб., 1993. Т. 1. С. 277–279.

⁸ *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 159.

⁹ См.: *Фридендер Г. М.* У истоков «почвенничества»: (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч») // *Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз.* 1971. Т. 30. Вып. 5. С. 400–410.

¹⁰ См.: *Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского*. СПб., 1883. С. 187–194 (в тексте ошибочно указ. стр. 277, 178, 279, 180, 281, 182, 193–194).

¹¹ См. примеч. 2 к статье Б. В. Федоренко.

¹² См. там же.

¹³ *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. С. 159–160.

¹⁴ «Ведь и „Время“ я начал, а не брат, я его направлял и я редактировал», — писал Достоевский А. Е. Врангелю (28, II; 119).

¹⁵ См.: *Хетсо Г.* Автор статьи — Ф. М. Достоевский? // *Достоевский. Материалы и исследования*. Л., 1985. Т. 6. С. 207–224.

¹⁶ См.: *Достоевский Ф. М.* Новоатрибутированные статьи 1872–1874 гг. / Атрибуция и научн. комментарий докт. филол. наук *В. Викторovichа* // *Знамя*. 1996. № 11. С. 152–177.